

Содержание

ISSN 2587-8190

Полина Семина. «Песнь Гаральда Смелого» и традиция переводного рыцарского романа	3
Константин Лаппо-Данилевский. И. И. Виноградов – переводчик Сапфо, Анакреонта и эллинистической анакреонтики.	17
Олег Ларионов. «Чувство изящного»: Антропологическая эстетика Н. М. Карамзина	57
Сергей Халтурин. «Дагерротипный список»: Проблема правдоподобности в «Сценах из народного быта» И. Ф. Горбунова.	83
Наталья Куширчук. Синкретизм искусств в прозе Бориса Пастернака. Музыкальная организация повести «Воздушные пути» (1924)	94
Роман Тименчик. Из именованного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	107

2021 XVIII (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Летняя школа по русской литературе

2021 (1)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021

© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Polina Semina. <i>Pesn' Garal'da Smelogo (Ode de Harald Le Vaillant)</i> and the Tradition of the Translated Chivalric Romance.	3
Konstantin Lappo-Danilevskii. Ivan I. Vinogradov as Translator of Sappho, Anacreont and Ancient Greek Anacreontic Poetry.	17
Oleg Larionov. <i>Sense of Beauty:</i> Nikolay Karamzin's Anthropological Aesthetics.	57
Sergey Khalturin. <i>A Daguerreotype Copy:</i> Problem of Verisimilitude in <i>Sitseny iz narodnogo byta (Scenes of Russian Folk)</i> Life by Ivan Gorbunov.	83
Natalia Kushnirchuk. Syncretism of the Arts in Boris Pasternak's Prose. Musical Structure of the Novel <i>Vozdushnye puti (Air Paths)</i> (1924)	94
Roman Timenchik. From the Index to Akhmatova's <i>Notebooks</i>	107

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ОЛЕГ ЛАРИОНОВ
(Санкт-Петербург)

«ЧУВСТВО ИЗЯЩНОГО»

Антропологическая эстетика Н. М. Карамзина

Статья посвящена изучению теоретических суждений Н. М. Карамзина об искусстве в контексте появляющегося в XVIII в. дискурса философской эстетики. В многослойных текстах Карамзина новая эпистемология эпохи Просвещения и немецкая «антропологическая эстетика» замещают античную традицию риторики и поэтики.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, эстетика, сентиментализм, история эстетики, интеллектуальная история.

Информация об авторе: Олег Алексеевич Ларионов, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: larionov98@yandex.ru

“Sense of Beauty”

Nikolay Karamzin's Anthropological Aesthetics

The paper studies Nikolay Karamzin's theoretical judgements of art in the context of the emerging discourse of philosophical aesthetics. In Karamzin's multi-layered texts new Enlightenment epistemology and German «anthropological aesthetics» replace ancient tradition of rhetoric and poetics.

Key words: Nikolay Karamzin, aesthetics, sentimentalism, history of aesthetics, intellectual history.

About the author: Oleg Larionov, student at National Research University Higher School of Economics. Saint Petersburg, Russia.

E-mail: larionov98@yandex.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-1-57-82

Существующие исследования теоретических суждений об искусстве в России XVIII века, в том числе представлений Н. М. Карамзина и других сентименталистов,¹ в основном

¹ См., например: Кулакова Л. И. 1) Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968; 2) Эстетические взгляды Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1964. Сб. 6. С. 146–175; Валицкая А. П. Русская эстетика XVIII века: Историко-проблемный очерк просветительской мысли. М., 1983; Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 75–154, и др.

игнорируют значимость того факта, что именно в это время происходит окончательное вычленение «изящных искусств» как особой сферы человеческой активности. Для ее осмысления в Германии появляется постепенно замещающая старые теории отдельных искусств новая дисциплина — эстетика.¹ Русскоязычную публику с этой формой знания одним из первых знакомит в 29-м письме «Писем русского путешественника» посетивший в Лейпциге лекцию по эстетике Карамзин, в переводе которого из К. Ф. Морица, помимо прочего, прозвучала и имевшая большое будущее идея эстетической автономии: «Всякое истинное творение искусства, всякой изящный вымысл есть сам по себе нечто совершенное, собственно для себя существующее, и прекрасное от гармонического расположения частей своих...».² Именно в это время возникают категории и концептуальные ходы, зачастую воспринимаемые исследователями как вневременные универсалии.

В этой статье я надеюсь предложить новую, более чувствительную к историчности и изменчивости дискурсов и форм знания, а также менее подвластную идее эстетической автономии³ исследовательскую оптику, направленную на интерпретацию ряда поэтологических/эстетических высказываний Карамзина и реконструкцию тех горизонтов, в которых у него мыслится искусство, становящееся одним из элементов более масштабных — исторических, философских, политических — построений.

1

Главные теоретические высказывания Карамзина об искусстве — эссе «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1793), стихотворения «Поэзия» (1787–1792) и «Дарова-

¹ *Kristeller P. O.* 1) *The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (I)* // *Journal of the History of Ideas.* 1951. Vol. 12. № 4. P. 495–527; 2) *The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (II)* // *Journal of the History of Ideas.* 1952. Vol. 13. № 1. P. 17–46.

² [Карамзин Н. М.] Нечто о мифологии. (Перевод из Морицовой *Götterlehre*) // Московский журнал. 1792. Ч. 6. Кн. 3. С. 281.

³ Об идеологических импликациях эстетического см.: *Eagleton T.* *The Ideology of the Aesthetic.* Oxford, 1990.

ния» (1796) — выстраиваются как нарративы о происхождении и функциях поэзии/искусств, сопровождаемые перечислением поэтов и степени их воздействия на аудиторию. Такой способ организации поэтологического материала восходит к фрагменту «Науки поэзии» Горация (ad Pis. 391–407). Основные его элементы: рассказ о цивилизующей роли первых поэтов (Орфей и Амфион), связь поэзии с законодательством и сакральным знанием, способность стихотворцев вдохновлять людей на подвиги, важность роли поэзии в жизни сообщества в целом и, наконец, сама повествовательная модель — перечисление ряда первых поэтов, мифологических и исторических, — постоянно присутствовали и варьировались в риториках и поэтиках раннего Нового времени. Добавив к этому знаменитый совет Горация совмещать «полезное» с «приятным» (ad Pis. 343–344), мы получим тот спектр функций, которыми наделяли словесность европейские теоретики доромантического периода: поэзия приносит удовольствие, наставляет в сфере морали, смягчает нравы и способствует общественно-политическому порядку.¹

Всеми этими композиционными и тематическим элементами пронизаны и интересующие нас тексты Карамзина. Тем не менее в них можно вычлениить и более новые дискурсивные напластования, ведущие к концептуальным сдвигам в понимании поэзии и искусства вообще.

В эссе «Нечто о науках, искусствах и просвещении» происхождение поэзии соотносится с истоками других искусств, которые, в свою очередь, обсуждаются в тесной связи с развитием наук и человеческого разума вообще. Подобного рода переплетения были характерны для европейской мысли XVIII века. В книге К. Лабио установка на поиск истоков различных явлений (знаний, языка, общества и т. д.) описывается как важнейшая эпистемологическая модель XVIII века, которая в разных вариантах приближалась то

¹ О горацанской литературной теории как основе для создаваемой в середине XVIII века новой русской литературы см. в работе: *Основат К. А. Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века.* М., 2020. С. 44–107.

к синхронному логическому, то к историческому исследованию. Эта модель зачастую задействовала воображение, вымысел, риторические приемы для наглядного представления ситуации «начала»; утверждала мыслящего и чувствующего субъекта как носителя наиболее достоверных знаний о себе и мире; была напрямую связана с новой высокой оценкой оригинальности в эстетике того времени.¹ В эти горизонты укладывается как эссе Карамзина, так и предмет его полемики — знаменитое «Рассуждение о науках и искусствах» (1750) Ж.-Ж. Руссо и другие тексты мыслителя об истории человечества, в которых связывалось воедино развитие чувств, разума, языка и общественных установлений, такие как «Опыт о происхождении языков» (опубл. 1781) и «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755). Последнее, как отметил Х. Роте, явно учитывалось русским писателем.²

Оперируя общепринятыми категориями, Руссо проблематизировал «просветительское» убеждение в однозначном прогрессе человечества, тогда как Карамзин встал на защиту этой оптимистической философии, прибегнув к общим местам эпистемологии XVIII века — утверждению природного любопытства человека, сенсуалистскому повествованию о чувственном истоке «знаний» и их переходе в «науки», идее постоянного прогресса человечества.³ Карамзин не только использует абстрактный язык философского рассуждения («Таким образом, собирает он бесчисленные идеи или чувственные понятия, которые суть не что иное, как непосредственное

¹ Labio C. *Origins and the Enlightenment: Aesthetic Epistemology from Descartes to Kant*. Ithaca, 2004.

² Rothe H. N. M. *Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans*. Bad Homburg, 1968. S. 255–256. О рецепции наследия Руссо у Карамзина см.: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века // Собр. соч. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. С. 191–202.

³ Эти идеи находят ближайšie параллели, например, в программном «Предварительном рассуждении» (1751) к «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера. Кроме того, как и у Карамзина, в этом предисловии говорится о значимости точных определений понятий, связи языка и мышления, происхождении искусств как подражаний природе, ведется полемика с Руссо.

отражение предметов...»¹), но и апеллирует к воображению, создавая фикциональную картину, наглядно воплощающую отвлеченную теоретическую модель. Писатель призывает читателя вступить в «давно истлевшие леса» и устремить «взор наш на юного сына природы, там живущего», после чего вполне художественно описывает, как «сей дикий» начинает взаимодействовать с окружающей его природой, исследуя мир и наслаждаясь им (II, 125).

Главным образцом для Карамзина в этом сочетании рационального рассуждения и сознательного вымысла послужил, по всей видимости, вставленный в третий том «Естественной истории» (1749) Ж.-Л. Бюффона воображаемый рассказ «первого человека» о чувственных впечатлениях, вызванных его первым контактом с окружающим миром, природой, а также о постепенном осознании самого себя, своих тела и души. Позже Карамзин перевел этот отрывок для «Пантеона иностранной словесности» (1798).

Карамзин критикует Руссо за изображение первых людей бесчувственными животными и утверждает:

Ни в Африке, ни в Америке не найдем мы таких бессмысленных людей. Нет! И готтентоты любопытны; и кафры стараются умножать свои понятия; и караибы имеют отвлеченные идеи, ибо у них есть уже язык, следствие многих умствований и соображений. <Например, всякое прилагательное имя есть отвлечение. Времена глаголов, местоимения — все сие требует утонченных действий разума. — прим. Карамзина> (II, 126).

Обращение к «дикарям» в споре о человеческой природе и прогрессе не случайно. Как показала М. Дюше, столь частая во французских философских сочинениях XVIII века (в том числе у Руссо и Бюффона) фигура «человека вообще», отвлеченного носителя антропологических свойств, развитие которого описывается по сенсуалистской логике, нередко соотносится с образом «дикаря» и рождается на стыке дедукции и эмпирики отчетов путешественников и колониальной

¹ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 125. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

администрации.¹ Карамзинская оценка готтентотов и кафров восходит, вероятно, к характеристике этих народов у жившего среди них натуралиста Ф. Вальяна, реферативную рецензию на книгу которого Карамзин перевел для «Московского журнала» (1791. Ч. 1. Кн. 1).

Закономерно в этом контексте возникает и тема языка, рассуждения об истоках которого в XVIII веке связывались с исследованием происхождения человеческих знаний и обладали историческими, социальными, антропологическими импликациями.² Выраженное в эссе Карамзина представление о языке как о «следствии многих умствований и соображений», соотношение частей речи со стоящими за ними ментальными актами является ключевым тезисом работ Э. Кондильяка.³ Комплекс представлений о взаимозависимости языка и мышления, рассмотренных в историко-антропологической перспективе прогрессивного становления человечества, виден за тематически и лексически близким к И. Гердеру утверждением Карамзина: «все песни младенческих народов начинаются сравнением с предметами или действиями натуры» (II, 127).

Обращаясь на этом фоне к искусствам, Карамзин определяет их как «подражание натуре», за которым стоит «*Природное* человеку стремление к улучшению бытия своего, к умножению жизненных приятностей», в результате чего появляются «полезные» и «изящные» искусства, связанные с желанием жить «покойно» и «приятно» (II, 127–128). Э. Кросс бегло отметил, что этот пассаж опирается на книгу Баттё «Изящные искусства, сведенные к единому принципу» (*Les beaux arts réduits à un même principe*, 1746).⁴ Этот трактат,

¹ Дюше М. Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения: [Сб. статей]. М., 1970. С. 251–278; Duchet M. Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. Paris, 1995. P. 9–21.

² Ricken U. Linguistics, Anthropology and Philosophy in the French Enlightenment. London, 1994. P. 134–159.

³ О лингвистических взглядах Кондильяка см.: Ibid. P. 77–110. О сенсуалистских основаниях карамзинского понимания языка см.: Breuillard J. Nikolaj Karamzin et la pensée linguistique de son temps // Revue des études slaves. 2002–2003. Т. 74. № 4. P. 771–775.

⁴ Cross A. N. M. Karamzin: A Study of his Literary Career. 1783–1803. Amsterdam, 1971. P. 260.

который Карамзин читал и обсуждал в конце 1780-х годов с А. А. Петровым, оказал сильное влияние на его общие представления об искусстве и был источником целого ряда его теоретических суждений.¹ Книге Баттё П. Кристиеллер отводит ключевое место в истории формирования современного представления об «изящных искусствах».² Впервые четко определяя «изящные» искусства и ограничивая их от «механических», Баттё, как и его современники энциклопедисты или Руссо, продолжает вписывать их в общую схему человеческих знаний и умений, «наук и искусств». Эта же классификационная сетка организует и эссе Карамзина.

Новая конфигурация искусства, истории и человека представлена в «Дарованиях» (1796) — сложном жанровом образовании, сопрягающем традицию поэтологических дидактических стихотворений с одической формой и установкой на прославление.³ Похвала музам оборачивается в них, как и в эссе, разговором о социальном и моральном прогрессе человечества, так что текст начинает тяготеть к восходящей к Лукрецию традиции дидактических философских поэм на общие темы. Как представляется, важнейшим ориентиром для Карамзина послужила дидактическая поэма М. М. Хераскова «Плоды наук» (1761), в которой подробно описывается дикое естественное состояние людей и чудесный переход к просвещению и высокой морали, приводится взятый из Горация пример Амфиона, восхваляется поэзия.⁴ Все это есть и в «Дарованиях», вплоть до отдельных мотивов (преображение в результате божественного дара — истины у Хераскова и красоты у Карамзина, происхождение любви, дружбы, семейных чувств).

Структурно и тематически «Дарования» близки к эссе «Нечто о науках, искусствах и просвещении»: их объединяют полемическая установка, обсуждение происхождения искусств и проблемы бедности поэта, финальный мотив

¹ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. С. 82–85.

² Kristeller P. O. The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (II). P. 20–21.

³ Шруба М. Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 307.

⁴ Херасков М. М. Эпические творения. М., 1787. Ч. 2. С. 248–264.

бессмертной творческой славы, на которую надеется автор. Фигура «первого человека» (статично-бессмысленного, а не сразу развивающегося, как в эссе) предстает перед «умными очами» одического поэта: «Явися, древность, предо мною! <...> / Что зрю? Людей, во тьме живущих, / Как злак бесчувственно растущих / Среди пустынь, густых лесов».¹ Эта картина становится отправной точкой для выстраиваемой в стихотворении истории человечества, в которой искусства значительно меняют свою роль по сравнению с представленной в эссе. То, что было одним из компонентов прогресса в эссе, становится его причиной и главным двигателем в стихотворении, — не только автономизируется (Карамзин посвящает целое стихотворение исключительно искусствам),² но и абсолютизируется, оказываясь общей рамкой для всей человеческой деятельности.

Кроме того, в стихотворении говорится о зарождении не столько искусств, сколько способности к эстетическому опыту: в примечании Карамзин говорит: «Чувство изящного в Природе разбудило дикого человека и произвело Искусства» (с. 215). Общим знаменателем, к которому приводятся природа, человек и искусства, оказывается категория «изящного» (т. е. прекрасного) и способность его чувствовать. Существование особого «чувства прекрасного», параллельного «нравственному чувству», утверждалось в XVII–XVIII веках в работах Шефтсбери и Ф. Хатчесона, способствовавших тому, что понятие красоты, прежде связанное в основном с Богом и сотворенным мирозданием, ассимилируется с дискурсами об искусствах и становится центральным для новой немецкой философской дисциплины эстетики — общей тео-

¹ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст подг. текста и прим. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 214 («Библиотека поэта». Большая серия). Далее сноски на это издание приводятся в тексте с указанием номера страницы.

² Интересно отметить, что этот замысел был у Карамзина давно. Еще в 1788 г. А. А. Петров писал ему: «Поэзия, музыка, живопись воспеты ли тобою?» (Письма А. А. Петрова к Карамзину. 1785–1792 // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Изд. подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л., 1984 С. 506 («Литературные памятники»)). В то время Карамзин сочинил только «Поэзию», зато в «Дарованиях» обратился, хотя и кратко, ко всем изящным искусствам.

рии прекрасного, которое чувствуется не только в природе, но и в творениях человека.¹

Природа здесь изображается в этой новой перспективе. Карамзин перечисляет два ряда явлений. К первому относятся «волны шумных океанов», «горы с вечными снегами», «леса угрюмые, густые», в которых человек «Нашел источник вдохновений, / Нашел в ужасном красоты» и «бога грозного прославил»; созерцая явления второго ряда — «нежные цветы», «Кристаллы ручейки», птичек, «зефиры» и т. д. — человек «...творца воображает / В небесной благодати его / И гласом тихим изливает / Восторги сердца своего» (с. 216). Здесь воплощается представление о двух видах эстетического опыта — чувстве возвышенного и чувстве прекрасного. Карамзин воспроизводит общие места этого учения, имевшего античные корни, но сформулированного Э. Бёрком и активно усвоенного зарождавшейся эстетикой именно в XVIII веке. Обсуждая эстетику возвышенного у Карамзина, исследователи прошли мимо этого стихотворения, ограничиваясь анализом «Писем русского путешественника».²

Таким образом, в «Дарованиях» мы можем опознать одно из первых русскоязычных в узком смысле эстетических высказываний: речь идет обо *всех* изящных искусствах и их *общем* основании — чувстве прекрасного. При этом теоретизирование по поводу искусства последовательно сопровождается у Карамзина теоретизированием по поводу человека, концептуализацией его «свойств», установлением законов развития чувств и мышления и т. д. Объединение вопросов теории искусства с познанием «целого человека» как единства телесного и духовного начал, тематизация эсте-

¹ Reschke R. Schön/Schönheit // Ästhetische Grundbegriffe: Historisches Wörterbuch in sieben Bänden. Stuttgart; Weimar, 2010. Bd. 5. S. 396–398, 406–410.

² Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. С. 113; Fieguth R. Discours du sublime dans le sentimentalisme russe. A. Radičšev et N. Karamzin // Russies: mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire. Lausanne, 1995. P. 215–228; Bilenkin V. The Sublime Moment: *Velichestvennoe* in N. M. Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* // The Slavic and East European Journal. 1998. Vol. 42. № 4. P. 605–620; Baudin R. Nikolai Karamzine à Strasbourg: Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011. P. 227–229.

тического опыта в широком горизонте человеческой чувствительности — важнейшие черты немецкой «антропологической эстетики» от А. Баумгартена вплоть до Канта (который придал новую, ставшую классической, форму философской эстетике, очистив ее от эмпирической психологии).¹ Свойственное ранней эстетике широкое понимание области своих интересов заметно в определении, которое новой дисциплине дал Карамзин, демонстрируя прекрасное владение языком немецкой философии того времени:

Эстетика есть *наука вкуса*. Она трактует о чувственном познании вообще. Баумгартен первый предложил ее как особливую, отделенную от других науку, которая — оставляя Логике образование вышших способностей души нашей, т. е. разума и рассудка — занимается исправлением чувств и всего чувственного, т. е. воображения с его действиями. Одним словом, Эстетика учит наслаждаться изящным.²

Развернутая в «Дарованиях» антропологическая и эстетическая концепция, связывающая природу и искусство через фигуру созерцающего и творящего «изящное» чувствительного человека в свернутом виде была сформулирована Карамзиным уже в 1792 году в предисловии к отрывку из индийской драмы «Саконтала» Калидаса:

Творческий дух обитает не в одной Европе; он есть гражданин вселенной. Человек везде человек; везде имеет он чувствительное сердце и в зеркале воображения своего вмещает небеса и землю. Везде натура есть его наставница и главный источник его удовольствий (II, 117).

Чуть подробнее этот же тезис был воспроизведен в «Письме в “Зритель” о русской литературе» (1797):

Да, повсюду природа велика и возвышенна; повсюду она поражает наше сердце, приводя в движение тот первоисточник (principe) чувствительности, который равно обитает в сердце дикаря и Ж.-Ж. Руссо; повсюду есть люди, одаренные ею в превосходной степени, которые более других внимательны к феноменам мира физического и нравствен-

¹ *Stöckmann E.* Anthropologische Ästhetik: Philosophie, Psychologie und ästhetische Theorie der Emotionen im Diskurs der Aufklärung. Tübingen, 2009. S. 1–42.

² *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 63.

ного, в которых этот мир вызывает впечатления более живые и более глубокие и которые выражают эти впечатления с большей энергией и с большими оттенками.¹

Стало быть, в разных текстах писателя мы обнаруживаем продуманную эстетическую (в узком смысле слова) концепцию, укладывающуюся в парадигму немецкой мысли того времени.²

2

«Антропологическая эстетика» Карамзина особенно наглядно представлена в его рассуждениях о *современной* функции искусств в «Нечто о науках, искусствах и просвещении» и *исторической* функции эстетического опыта в «Дарованиях».

В эссе искусства рассматриваются как один из важнейших элементов человеческой жизни, играющий значимую роль в организации досуга, причем часто акцентируется их гедонистическая составляющая — связь с «приятным», «удовольствиями», «наслаждениями». В опубликованном одновременно с «Нечто о науках, искусствах и просвещении» эссе «Что нужно автору?» (1794) говорится, что искусство «должно заниматься одним *изящным*, изображать красоту, гармонию и распространять в *области чувствительного* приятные впечатления» (II, 121) — в очередной раз отметим характерный сенсуализм и гедонизм. У Карамзина часто встречаются суждения, отводящие удовольствию одну из важнейших ролей в человеческой жизни. В «Нечто о науках, искусствах и просвещении» природа говорит человеку: «нет пределов твоему любопытству и наслаждению!» (II, 125), а в «Разговоре

¹ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 449. Пер. Ю. М. Лотмана; оригинальная цитата на французском языке на с. 456.

² Последний раз Карамзин обратился к вопросу о происхождении искусств в «Истории государства Российского», где говорилось, что «древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых Искусств Изящных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая удовольствие — и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха» (Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 69). Спустя много лет и в ином дискурсивном контексте писатель продолжал обсуждать этот вопрос в горизонтах и формулировках европейской мысли эпохи Просвещения.

о счастья» (1797) предписанием «натуры» объявляется призыв: «*трудись, живи и наслаждайся*» и утверждается, что «человек должен быть творцом своего благополучия, приводя страсти в счастливое равновесие и образуя вкус для истинных наслаждений».¹ Смещение искусства и наслаждения в общей антропологической перспективе встречается и в «Письмах русского путешественника»: «Окончав свое путешествие, которое предпринял единственно для того, чтобы собрать некоторые приятныя впечатления и обогатить свое воображение новыми идеями, буду жить в мире с Натурою и с добрыми, людьми изящное и наслаждаться им».²

Оказываясь одним из ряда «истинных наслаждений», искусство в этой «антропологической эстетике» не рассматривается само по себе/автономно, но мыслится в перспективе общего учения о человеке, который порождает и воспринимает среди прочего и произведения изящных искусств. Прагматическая установка фокусирует внимание на эффектах, оказываемых искусством на реципиента, на, как говорит Карамзин выше, способности «распространять в *области чувствительного* приятныя впечатления». Однако «область чувствительного» реагирует не только на произведения искусства, которые, в свою очередь, далеко не единственный источник «приятных впечатлений». Этот понятийный аппарат не предполагает исключительности искусства: созерцаемая природа, созданные искусством образы, реальные человеческие отношения — все это образует единый спектр переживаний индивида, одинаково воздействует на его чувства. Как представляется, описанный способ мышления вообще важен для «сентиментализма» как культурного явления. Из тождества разных по источникам впечатлений в сознании воспринимающего субъекта следует понимание литературы

¹ Карамзин Н. М. Разговор о счастья. М., 1797. С. 64, 42.

² Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 76. Согласно И. Клейну, в этом и других местах «Писем» транслируется определенное «искусство жить», включающее в себя развитую чувствительность и стремление к удовольствиям самодостаточного субъекта (см.: Клейн И. «Искусство жить» у Карамзина. («Письма русского путешественника») // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010. С. 232–245).

как источника «эмоциональных матриц», постоянный обмен между жизнью и словесностью, между реальными, воображаемыми и изображаемыми переживаниями.¹

Акцент на удовольствии не отменял, однако, моральной составляющей искусств и «приятных впечатлений» вообще. Еще А. Д. Галахов продемонстрировал исключительную значимость для Карамзина богатой традиции оптимистической философии, включая отождествление прекрасного и благого у Шефтсбери, теодицею Лейбница, изложение представлений о «великой цепи бытия» в «Опыте о человеке» А. Поупа.² Это учение предполагало благодать и осмысленность устройства мира, в том числе и морального. Таким образом, «истинные наслаждения» не противоречили благочестивому поведению и человек понимался как созданный в том числе для удовольствий. Примером могут послужить «Философские афоризмы» Э. Платнера, которые Карамзин внимательно читал и высоко ценил.³ Именно рассказ о лекции Платнера по эстетике писатель сопроводил процитированным выше определением новой дисциплины. В разделе, посвященном определенному Богом «предназначению» (Bestimmung) человека, философ видит его в «счастье» (Glückseligkeit), непосредственно связанном с «приятными чувствами» (angenehme Empfindungen), в том числе эстетическими, которые могут быть и «телесными» (körperliche sinnliche), и «духовными» (geistige).⁴

Оптимистическая философия, заметно отразившаяся в текстах Карамзина, была не столько связной философской системой, сколько широким набором общих мест, тем и формулировок, совмещавших античные учения о гармоническом порядке космоса и «великой цепи бытия» с новейшей ньютоновской физикой, научной картиной мира

¹ Подобным образом литературная деятельность Карамзина описывается в: *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. С. 153–180.

² *Галахов А. Д.* Карамзин, как оптимист // Отечественные записки. 1858. Т. 116. № 1. Отд. I. С. 107–146.

³ *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 62, 65.

⁴ *Platner E.* Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitungen zur philosophischen Geschichte. Th. 2. Leipzig, 1782. S. 3–43. Здесь и далее перевод с немецкого мой.

и образовывавших вместе дискурс физико-теологии — связанного с теодицеей учения о красоте и разумном порядке вселенной, явленных во всех ее частях и демонстрирующих наблюдателю присутствие в мире Бога. Эта топика обильно встречается и в русской литературе XVIII века.¹ Представления о созерцаемой красоте и порядке сотворенного мира мы встречаем в карамзинской «Поэзии»: «Узрев собор красот и *чувствуя себя*, / Сей гордый мира царь почувствовал и бога», «Мудрец, Натуру зная, познав ее творца / И слыша глас его и в громах и в зефирах, / В лесах и на водах...», «Он <Орфей> пел им красоту Натуры, мироздания; / Он пел им тот закон, который в естестве / Разумным оком зрим...» (с. 58–60).

Физико-теологический дискурс, как и в целом рассуждения о зримом мире, были в той или иной мере эстетическими: говорили о красоте мироздания и пролагали пути к учению о прекрасном. С другой стороны, все эти построения потенциально были связаны с вопросами общественно-политической дисциплины.² Так, Платнер замечает, что «определение к духовным наслаждениям» (die Bestimmung zum geistigen Vergnügen) отсутствует у «диких народов» (in wilden Völkern), «непросвещенных людей нецивилизованных сословий» (in unaufgeklärten Menschen der ungesitteten Stände) и «в ранней юности» (in der frühern Jugend).³ В лекциях И. Г. Шварца 1780-х годов характерная и для Карамзина связь природы, искусств и формирования чувствительного человека тематизируется в следующей педагогической программе:

...нужно, кажется, молодых людей упражнять в словесных науках, в музыке, в живописи и занимать их гармониею природы, которая, красотами своими привлекая чувства человеческие, делает их нежнейшими и удобнейшими к чистой любви, и приводя в приятное восхищение, заставляет примечать действия природы, приводит их в удивление

¹ Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовой; науч. ред. перевода Н. Алексеева. М., 2015. С. 281–334.

² Основат К. А. Придворная словесность. С. 247–297.

³ Platner E. Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitungen zur philosophischen Geschichte. S. 40.

порядку оной, возвышает их мысли до источника природы и наконец воспламеняет в них чистую любовь к Богу.¹

Утверждая в своем эссе пользу искусств и наук для общественного порядка, Карамзин прибегает к очень похожей аргументации:

Искусства и науки, показывая нам красоты величественной природы, возвышают душу; делают ее чувствительнее и нежнее, обогащают сердце наслаждениями и возбуждают в нем любовь к порядку, любовь к гармонии, к добру, следовательно — ненависть к беспорядку, разгласию и порокам, которые расстраивают прекрасную связь общегития. Кто чрез мириады блестящих сфер, кружащихся в голубом небесном пространстве, умеет возноситься духом своим к престолу невидимого божества <...> тот не может быть злодеем (II, 139).

В этих построениях связь красоты и добра обеспечивается существованием Бога, создавшего гармоничный мир и человека. Однако Карамзин идет дальше, натурализируя сложившееся политическое устройство. Последнее описывается как нечто естественное, постоянное, включенное, наряду с природой и моралью, в освященный Богом порядок вещей. Кроме того, общественный порядок еще и эстетизируется: покушения на него «расстраивают прекрасную связь общегития». Емкие понятия «гармония», «согласие», «порядок», одинаково приложимые к эстетике, политике и натурфилософии, осуществляют медиацию между этими сферами, как бы обнаруживая их подчиненность единым законам и правилам, установленным Богом. Эстетизация политического встречается и в других текстах Карамзина. В «Письмах русского путешественника» в связи с Французской революцией Карамзин замечает: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку».² Ярче всего смешение эстетического и политического проявилось во фрагменте из «Исторического похвального слова Екатерине Второй» (1802), где

¹ Цит. по: *Тихонравов Н. С.* К истории Московского университета // Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1898. С. 80. В 1782–1783 гг. Шварц читал в Московском университете курс лекций по эстетике (Там же. С. 66).

² *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 226–227.

суверен уподобляется художнику, причем в очередной раз используется мотив из «Науки поэзии» Горация:

Монархиня повелела — и Россия, дотоле не соразмерная в частях своих, подобно дикому произведению Натуры или слепого случая, приняла вид гармонического размера, подобно творению совершенного Искусства; части сравнялись между собою, и каждая Губерния ограничилась удобнейшим для нее пространством. Монархиня повелела — и глас Ее, как лира Амфионова, творит новые грады, если не великолепием художества, то своею пользою украшенные.¹

Впрочем, утверждая политическую пользу искусств, Карамзин не всегда использовал столь глобальную аргументацию. В рамках описанного выше антропологического способа мысли искусство, одно из «истинных наслаждений», компенсирует недоступные блага. Связанные с науками и искусствами «люди находят в самих себе источник живейших удовольствий — и по тому самому богатство не может быть их идолом» (II, 136). Что же касается представителей низших классов общества, за просвещение которых Карамзин активно выступает в этом эссе, то для них равный доступ к «приятным чувствам», в том числе к искусству, должен заслонить последствия социального неравенства:

Все люди имеют душу, имеют сердце: следственно, все могут наслаждаться плодами искусства и науки, — и кто наслаждается ими, тот делается лучшим человеком и спокойнейшим гражданином — спокойнейшим, говорю: ибо, находя везде и во всем тысячу удовольствий и приятностей, не имеет он причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь. — Цветы граций украшают всякое состояние — и просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой зелени с нежною своею подругою, не позавидует счастью роскошнейшего сатрапа (II, 140).

Конструируемое здесь «разделение чувственного» (Ж. Рансьер), неравный допуск различных социальных групп к различным видам деятельности и формам чувствен-

¹ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 103–104. Об отождествлениях Бога, суверена и художника на основании общего для них акта творения см.: Основат К. А. Придворная словесность. С. 338–348.

ного опыта¹ основывается на парадоксе: естественная, Богом данная всем людям, производная от гармонического устройства мироздания способность наслаждаться нематериальным видом благ и не претендовать на материальные должна *специально воспитываться* властями в подданных во избежание беспорядков.

3

Представления о дисциплинирующей функции эстетического опыта инсценируются и в (квази)историческом рассказе в «Дарованиях», суммированном Карамзиным в прозаическом примечании: «Чувство изящного в Природе разбудило дикого человека и произвело Искусства, которые имели непосредственное влияние на общежитие, на все мудрые законы его, на просвещение и нравственность. Орфеи, Амфионы были первыми учителями диких людей» (с. 215). В основном тексте происходящая с человеком трансформация описывается более подробно: эстетический опыт «В душах рассеял мрак густой: / В них искры чувства воспылали!», в результате чего природа перед глазами человека «в изящности явилась», и, наконец, «Рассудок, чувством пробужденный, / Открыл порядок неизменный / Во всех подлунных существах» (с. 215–216).

Далее рассказывается о появлении нравственной любви, семейных и других чувств, а также мудрого общественного устройства. Как уже говорилось, Карамзин конструирует нарратив, в котором «чувству изящного», эстетическому переживанию отводится центральная роль в истории человечества. Оно запускает процессы развития, постепенного совершенствования людей и обществ, историю как таковую, которые возможны благодаря трансформации животных ощущений в моральные чувства, пробуждающие разум. Этот переход описывается языком физико-теологии — человечество пробуждается в акте созерцания природы, обнаружения гармонии, порядка и красоты внешнего мира, убеждающего в существовании Бога.

¹ Рансьер Ж. Разделение чувственного. Эстетика и политика // Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Сост. В. Лапицкий. Пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб., 2007. С. 14–15.

Обращаясь к возможным источникам и параллелям этого рассказа о первом эстетическом опыте как центральном антропологическом событии, можно назвать такой образец немецкой эстетики позднего Просвещения, как созданная в виде словаря «Всеобщая теория изящных искусств» (*Allgemeine Theorie der Schönen Künste*, 1771–1774) И. Г. Зульцера (1720–1779), упомянутая в 30-м письме «Писем русского путешественника».

Как и Карамзин, Зульцер отводил изящным искусствам центральное место в организации человеческой жизни, указывая на их незаменимую роль во внедрении правил нравственности, обеспечивающих мирное существование общества.¹ Эти взгляды были ясно представлены в центральной статье словаря — «Искусства; Изящные искусства» (*Künste; Schöne Künste*).² Зульцер понимает сферу эстетического как среднее между чувствами и разумом, что придает изящным искусствам антропологическую значимость, — они являются условием существования нравственного человека:

Необработанный (rohe) человек — это только грубая чувственность (Sinnlichkeit), которая стремится к животной жизни; человек, которого хотел образовать, но не образовал стоик, был бы только разумом, только познающим, но не действующим существом; но тот, которого образуют изящные искусства, стоит прямо посередине между этими двумя; его чувственность состоит в утонченной внутренней чувствительности (Empfindsamkeit), которая делает человека пригодным к нравственной жизни.³

Описывая воздействие эстетического опыта на человека, Зульцер говорит про «развитие и постепенное утончение

¹ О Зульцере и его эстетической теории см.: *Zande J. van der Orpheus in Berlin: A Reappraisal of Johann Georg Sulzer's Theory of the Polite Arts // Central European History*. 1995. Vol. 28. № 2. P. 175–208; *Riley M. Civilizing the Savage: Johann Georg Sulzer and the "Aesthetic Force" of Music // Journal of the Royal Musical Association*. 2002. Vol. 127. № 1. P. 1–22.

² *Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der Schönen Künste*. Leipzig, 1787. Bd. 3. S. 58–80.

³ *Ibid.* S. 64–65. Ср. у Платнера: «Эстетические чувства (Empfindungen) располагаются посередине между чувственными (sinnlichen) и духовными» (*Platner E. Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitungen zur philosophischen Geschichte*. S. 20).

(*Verfeinerung*) всех душевных сил», в результате чего исчезает «тупость и нечувствительность (*Unempfindlichkeit*) необработанного естественного человека» и образуется настоящий человек.¹ Философ заключает: «насколько мало признается, настолько и истинно, что самым важным в своем внутреннем образовании (*inner Bildung*) человек обязан влиянию изящных искусств».²

Источником преобразующего эстетического опыта оказывается не только искусство, но и природа, в результате созерцания красот которой у нас возникают не только «грубые чувства (*gröbern Empfindungen*)», но и «нежные впечатления (*sanften Eindrücke*)», так что «теперь мы обнаруживаем, что природа предназначена не для простого удовлетворения наших животных потребностей, но для утонченного наслаждения (*feinern Genuß*) и постепенного возвышения нашей сущности».³

Очевидна тематическая и лексическая близость этих рассуждений к тому, что писал Карамзин в своем эссе и в «Дарованиях». Тем не менее приведенные выше замечания Зюльцера не образуют связного повествования, перемежаясь обсуждением других вопросов. Такое повествование, отводящее эстетическому опыту центральное место в истории человечества, обнаруживается у Шиллера — автора, за творчеством которого Карамзин пристально следил.⁴

Представление об антропологическом значении сферы эстетического легло в основу стихотворения «Художники» (1789) и центрального теоретического сочинения Шиллера — «Писем об эстетическом воспитании человека» (1793–1795).⁵ Реагируя на Французскую революцию, Шиллер утверждает, что единственный путь к подлинной свободе лежит в преобразении человеческой природы, возвращении ей утраченной в современном мире цельности чувственного

¹ Ibid. S. 62.

² Ibid. S. 63.

³ Ibid. S. 59.

⁴ О реценции Карамзиным творчества Шиллера см.: Данилевский Р. Ю. Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013. С. 40–45, 49–68.

⁵ «Художники» пересекаются с «Дарованиями» целым рядом тем и образов, демонстрация чего не вменяется в рамки этой статьи.

«побуждения к материи» и разумного «побуждения к форме». Резко разведя эти два начала, Шиллер, однако, находит возможность для их слияния. Синтез осуществляет «побуждение к игре», реализуемое в сфере эстетического и воссоздающее гармоническое единство человеческой природы в «живом образе» произведения искусства. Кроме того, — и здесь Шиллер особенно близок и к Зульцеру, и к Карамзину — именно эстетический опыт и позволил человеку перейти от чисто чувственного состояния к разумному и нравственному:

Итак, переход от страдательного состояния ощущения к деятельному состоянию мышления и воли совершается не иначе, как при посредстве среднего состояния эстетической свободы <...>. Одним словом, нет иного пути сделать чувственного человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим.¹

Далее Шиллер описывает состояние «дикаря», воспроизводя топику животного существования, подчиненного потребностям, лишённого морали, неспособного ощутить красоту сотворенного мира и т. д. Преображение происходит в тот момент, когда человек вычлняет себя из природы, объективирует ее, — тогда из раба он становится господином (мотив, общий для Шиллера и Карамзина),² причем осуществляется это, как и у Карамзина, посредством зрения, в акте созерцания мира. Оба писателя подчеркивают трансцендентный характер этого события, его независимость от самих людей.

Итак, между «Письмами об эстетическом воспитании человека» и «Дарованиями» обнаруживается ряд важных переключек. Шиллеровские «Письма...» в связи с эстетическими высказываниями Карамзина впервые упомянула

¹ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1957. С. 327. «Письма» были впервые опубликованы в №№ 1, 2 и 6 журнала «Оры» (*Die Horen*) за 1795 год. Карамзин откликнулся с большим энтузиазмом на объявление о выходе «Ор» (*Карамзин Н. М.* «Статьи из отдела «Смесь» газеты «Московские ведомости» // Соч.: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 75) и перевел для «Пантеона иностранной словесности» текст И. Энгеля из номера за тот же 1795 год (*Кафанова О. Б.* Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 332). Этот факт сильно повышает вероятность знакомства Карамзина с текстом Шиллера.

² Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. С. 339.

Л. И. Кулакова.¹ Исследовательница, однако, сосредоточилась на политической составляющей эстетических взглядов Шиллера и Карамзина (безусловно, чрезвычайно важной), рассматривая написанные одновременно «Письма...» и «Нечто о науках...» как типологические параллели и отмечая сходное обращение к сфере прекрасного как реакцию на Французскую революцию. Кулакова обходит стороной написанные уже после публикации «Писем...» «Дарования» и общие для этих текстов темы.

Однако написанные сложным языком кантовской философии «Письма...» Шиллера явно не были главным образцом эстетической теории для Карамзина. Если он их и прочитал, то усвоены они им были, вероятно, в той мере, в какой варьировали мотивы и темы «антропологической эстетики» и укладывались в горизонт ожиданий, сформированный чтением Зюльцера или Платнера.

Указанные параллели между Карамзиным и немецкой «антропологической эстетикой» подводят к более широкому и ранее не ставившемуся вопросу о связи русского писателя с «популярной философией» (*Popularphilosophie*), представителем которой был среди прочих и Зюльцер. Для «популярной философии» характерны критика тяжеловесной систематической философии, принципиальный эклектизм, обращение к философским вопросам в широкой антропологической перспективе, обсуждение существования образованных классов в абсолютной монархии, поддержка стремления к личному и общественному благу, установка на широкую публику; в области формы — озабоченность проблемой языкового выражения, ясность изложения, предпочтение журнальных публикаций, полуфикциональных очерков, диалогов, эссе.² Все это вполне свойственно и Карамзину, многие тексты которого — «Нечто о науках...», «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» (1794), «Разговор о счастии», отчасти

¹ Кулакова Л. И. Эстетические взгляды Н. М. Карамзина. Город, издательство? Или это журнал? С. 155–156. См. также: Стенник Ю. В. Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 49.

² Zande J. van der In the Image of Cicero: German Philosophy between Wolff and Kant // Journal of the History of Ideas. 1995. Vol. 56. № 3. P. 419–442.

«Чувствительный и холодный» (1803) — могут рассматриваться как своего рода русский аналог немецкой «популярной философии», тем более что Карамзин был хорошо знаком с деятелями этого течения: читал М. Мендельсона, посещал Ф. Николаи и К. М. Виланда, переводил И. Энгеля и Х. Гарве. Эта тема, впрочем, уже выходит за рамки статьи.

* * *

Итак, я постарался осуществить более конкретную контекстуализацию суждений Карамзина об искусстве и увидеть в них образцы «антропологической эстетики», предлагающей особую концепцию не только искусства, но и человека. Это, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на творчество Карамзина вообще, обнаружить за его интересом к «чувствительности» отрефлексированные философские представления о человеке и его свойствах. Стоит подчеркнуть, что описанные выше явления — не «оригинальные» производные авторской субъектности Карамзина или его «источников», но «закономерные» элементы воспроизводимого им дискурса,¹ так что предложенная оптика может использоваться при описании других русскоязычных теоретических суждений об искусстве того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Валицкая А. П.* Русская эстетика XVIII века: Историко-проблемный очерк просветительской мысли. М., 1983.
2. *Галахов А. Д.* Карамзин, как оптимист // Отечественные записки. 1858. Т. 116. № 1. Отд. I. С. 107–146.
3. *Данилевский Р. Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013.
4. *Дюше М.* Мир цивилизации и мир дикарей в эпоху Просвещения. Основы антропологии у философов // Век Просвещения: [Сб. статей]. М., 1970. С. 251–278.
5. *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016.
6. *Кафанова О. Б.* Библиография переводов Н. М. Карамзина (1783–1800 гг.) // XVIII век. Л., 1989. Сб. 16. С. 319–337.

¹ Ср.: *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Се-ребрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб., 2004. С. 262–277.

7. *Клейн И.* «Искусство жить» у Карамзина. («Письма русского путешественника») // Художественный перевод и сравнительное изучение культур: Памяти Ю. Д. Левина. СПб., 2010. С. 232–245.
8. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994.
9. *Кулакова Л. И.* Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. Л., 1968.
10. *Кулакова Л. И.* Эстетические взгляды Н. М. Карамзина // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. С. 146–175.
11. *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовской, науч. ред. перевода Н. Алексева. М., 2015.
12. *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собр. соч. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. Т. 1: Русская литература и культура Просвещения. С. 139–206.
13. *Осват К. А.* Придворная словесность: Институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М., 2020.
14. *Рансьер Ж.* Разделяя чувственное / Сост. В. Лапицкий. Пер. с фр. В. Лапицкого, А. Шестакова. СПб., 2007.
15. *Стенник Ю. В.* Эстетическая мысль в России XVIII в. // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 37–51.
16. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Себрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб., 2004.
17. *Шруба М.* Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 296–311.
18. *Baudin R.* Nikolaï Karamzine à Strasbourg: Un écrivain-voyageur russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.
19. *Bilenkin V.* The Sublime Moment: *Velichestvennoe* in N. M. Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* // The Slavic and East European Journal. 1998. Vol. 42. № 4. P. 605–620.
20. *Breillard J.* Nikolaj Karamzin et la pensée linguistique de son temps // Revue des études slaves. 2002–2003. Т. 74. № 4. P. 759–776.
21. *Cross A. N.* M. Karamzin: A Study of his Literary Career. 1783–1803. Amsterdam, 1971.
22. *Duchet M.* Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. Paris, 1995.
23. *Eagleton T.* The Ideology of the Aesthetic. Oxford, 1990.
24. *Fieguth R.* Discours du sublime dans le sentimentalisme russe. A. Radičšev et N. Karamzin // Russies: mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire. Lausanne, 1995. P. 215–228.
25. *Kristeller P. O.* The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (I) // Journal of the History of Ideas. 1951. Vol. 12. № 4. P. 495–527.

26. *Kristeller P. O.* The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (II) // *Journal of the History of Ideas*. 1952. Vol. 13. № 1. P. 17–46.
27. *Labio C.* Origins and the Enlightenment: Aesthetic Epistemology from Descartes to Kant. Ithaca, 2004.
28. *Reschke R.* Schön/Schönheit // *Ästhetische Grundbegriffe: Historisches Wörterbuch in sieben Bänden*. Stuttgart; Weimar, 2010. Bd. 5. S. 390–436.
29. *Ricken U.* Linguistics, Anthropology and Philosophy in the French Enlightenment. London, 1994.
30. *Riley M.* Civilizing the Savage: Johann Georg Sulzer and the “Aesthetic Force” of Music // *Journal of the Royal Musical Association*. 2002. Vol. 127. № 1. P. 1–22.
31. *Rothe H.* N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg, 1968.
32. *Stöckmann E.* Anthropologische Ästhetik: Philosophie, Psychologie und ästhetische Theorie der Emotionen im Diskurs der Aufklärung. Tübingen, 2009.
33. *Zande J. van der* In the Image of Cicero: German Philosophy between Wolff and Kant // *Journal of the History of Ideas*. 1995. Vol. 56. № 3. P. 419–442.
34. *Zande J. van der* Orpheus in Berlin: A Reappraisal of Johann Georg Sulzer’s Theory of the Polite Arts // *Central European History*. 1995. Vol. 28. № 2. P. 175–208.

REFERENCES

1. *Baudin R.* Nikolai Karamzine à Strasbourg: Un écrivain-voyageur russe dans l’Alsace révolutionnaire (1789). Strasbourg, 2011.
2. *Bilenkin V.* The Sublime Moment: *Velichestvennoe* in N. M. Karamzin’s *Letters of a Russian Traveler* // *The Slavic and East European Journal*. 1998. Vol. 42. № 4. P. 605–620.
3. *Breuillard J.* Nikolaj Karamzin et la pensée linguistique de son temps // *Revue des études slaves*. 2002–2003. T. 74. № 4. P. 759–776.
4. *Cross A.* N. M. Karamzin: A Study of his Literary Career. 1783–1803. Amsterdam, 1971.
5. *Danilevskij R. Yu.* Fridrih Shiller i Rossiya. SPb., 2013. (In Russ.)
6. *Duchet M.* Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. Paris, 1995.
7. *Dyushe M.* Mir civilizacii i mir dikarej v epohu Prosveshcheniya. Osnovy antropologii u filozofov // *Vek Prosveshcheniya: [Sb. statej]*. M., 1970. S. 251–278. (In Russ.)
8. *Eagleton T.* The Ideology of the Aesthetic. Oxford, 1990.

9. *Fieguth R.* Discours du sublime dans le sentimentalism russe. A. Radičšev et N. Karamzin // Russies: mélanges offerts à Georges Nivat pour son soixantième anniversaire. Lausanne, 1995. P. 215–228.
10. *Fuko M.* Arheologiya znaniya / Per. s fr. M. B. Rakovoj, A. Yu. Serebryannikovoj; vstup. st. A. S. Kolesnikova. SPb., 2004. (In Russ.)
11. *Galahov A. D.* Karamzin, kak optimist // Otechestvennyye zapiski. 1858. T. 116. № 1. Otd. I. S. 107–146. (In Russ.)
12. *Kafanova O. B.* Bibliografiya perevodov N. M. Karamzina (1783–1800 gg.) // XVIII vek. L., 1989. Sb. 16. S. 319–337. (In Russ.)
13. *Klejn I.* «Iskusstvo zhit'» u Karamzina. («Pis'ma russkogo puteshestvennika») // Hudozhestvennyj perevod i sravnitel'noe izuchenie kul'tur: Pamyati Yu. D. Levina. SPb., 2010. S. 232–245. (In Russ.)
14. *Kochetkova N. D.* Literatura russkogo sentimentalizma. (Esteticheskie i hudozhestvennye iskaniya). SPb., 1994. (In Russ.)
15. *Kristeller P. O.* The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (I) // Journal of the History of Ideas. 1951. Vol. 12. № 4. P. 495–527.
16. *Kristeller P. O.* The Modern System of the Arts: A Study in the History of Aesthetics (II) // Journal of the History of Ideas. 1952. Vol. 13. № 1. P. 17–46.
17. *Kulakova L. I.* Esteticheskie vzglyady N. M. Karamzina // XVIII vek. M.; L., 1964. Sb. 6. S. 146–175. (In Russ.)
18. *Kulakova L. I.* Oчерки istorii russkoj esteticheskoy mysli XVIII veka. L., 1968. (In Russ.)
19. *Labio C.* Origins and the Enlightenment: Aesthetic Epistemology from Descartes to Kant. Ithaca, 2004.
20. *Levitt M.* Vizual'naya dominanta v Rossii XVIII veka / Per. s angl. A. Glebovskej, nauch. red. perevoda N. Alekseeva. M., 2015. (In Russ.)
21. *Lotman Yu. M.* Russo i russkaya kul'tura XVIII–nachala XIX veka // Lotman Yu. M. Sobr. soch. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2000. T. 1: Russkaya literatura i kul'tura Prosveshcheniya. S. 139–206. (In Russ.)
22. *Ospovat K. A.* Pridvornaya slovesnost': Institut literatury i konstrukcii absolyutizma v Rossii serediny XVIII veka. M., 2020. (In Russ.)
23. *Rans'er Zh.* Razdelyaya chuvstvennoe / Sost. V. Lapickij. Per. s fr. V. Lapickogo, A. Shestakova. SPb., 2007. (In Russ.)
24. *Reschke R.* Schön/Schönheit // Ästhetische Grundbegriffe: Historisches Wörterbuch in sieben Bänden. Stuttgart; Weimar, 2010. Bd. 5. S. 390–436.
25. *Ricken U.* Linguistics, Anthropology and Philosophy in the French Enlightenment. London, 1994.

26. *Riley M.* Civilizing the Savage: Johann Georg Sulzer and the “Aesthetic Force” of Music // *Journal of the Royal Musical Association*. 2002. Vol. 127. № 1. P. 1–22.
27. *Rothe H.* N. M. Karamzins europäische Reise: Der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg, 1968.
28. *Shruba M.* Poetologicheskaya lirika N. M. Karamzina // XVIII vek. SPb., 2006. Sb. 24. S. 296–311. (In Russ.)
29. *Stennik Yu. V.* Esteticheskaya mysl' v Rossii XVIII v. // XVIII vek. L., 1986. Sb. 15. S. 37–51. (In Russ.)
30. *Stöckmann E.* Anthropologische Ästhetik: Philosophie, Psychologie und ästhetische Theorie der Emotionen im Diskurs der Aufklärung. Tübingen, 2009.
31. *Valickaya A. P.* Russkaya estetika XVIII veka: Istoriko-problemyj ocherk prosvetitel'skoj mysli. M., 1983. (In Russ.)
32. *Zande J. van der* In the Image of Cicero: German Philosophy between Wolff and Kant // *Journal of the History of Ideas*. 1995. Vol. 56. № 3. P. 419–442.
33. *Zande J. van der* Orpheus in Berlin: A Reappraisal of Johann Georg Sulzer's Theory of the Polite Arts // *Central European History*. 1995. Vol. 28. № 2. P. 175–208.
34. *Zorin A. L.* Poyavlenie geroya: Iz istorii russkoj emocional'noj kul'tury konca XVIII–nachala XIX veka. M., 2016. (In Russ.)